
В. Ю. ФРАНЧУК

Формирование текста летописного рассказа Ипатьевской летописи о походе князя Игоря на половцев в 1185 г.

Исследования многих ученых убедительно свидетельствуют о сходстве языка и стиля «Слова о полку Игореве» и летописного рассказа о походе 1185 г. Ипатьевской летописи. Объясняют причины этого по-разному. Одни считают, что автор «Слова о полку Игореве» был знаком с рассказом, а А. И. Лященко, например, предполагает, что он пользовался первоначальной записью статьи 1185 г., не подвергавшейся обработке позднейшего сводчика. На текстологическую связь рассказа 1185 г. Ипатьевской летописи и «Слова» указывал Р. О. Якобсон, не рассматривая его причин. Позже ученый высказал предположение о влиянии на «Слово о полку Игореве» прототипа Ипатьевской летописи, который, по его мнению, объединял с ним черты утраченного «Раскольничьего летописца», известного В. Н. Татищеву.

Другие ученые, напротив, отмечают влияние на летописный рассказ «Слова о полку Игореве». ¹ Так, М. С. Грушевский замечает: «Я же думаю, что сходство столь велико, что должно признать влияние „Слова“ (или его прототипа) на летописный рассказ». ²

Третья точка зрения — это отрицание влияния «Слова» на рассказ и влияния рассказа на «Слово». «Здесь еще вопрос открытый — такое ли тут сходство, чтобы говорить о близости „Слова“ и летописи», ³ — писал Н. К. Грунский. Данная точка зрения близка Д. С. Лихачеву, который считал, что и в летописном рассказе, и в «Слове о полку Игореве» был использован общий источник, вероятнее всего, эпического характера. ⁴ Этим, по мнению ученого, объясняется близость «Слова» и летописного рассказа, между которыми он не находит непосредственной взаимозависимости не только в отдельных деталях фактического характера, но и в интерпретации событий, причем в интерпретации явно поэтической. Только в «Слове» и летописном рассказе называется река Каяла. Великий князь Святослав, узнав о поражении Игоря, «изрони злато слово с слезами смѣшено»; в летописном рассказе — «Святослав же, то слышав и вельми воздохнув, утер слез своих и рече...». Д. С. Лихачев высказывает такое предположение об этом общем источнике: «И летопись, и „Слово“ — оба зависят от молвы о событиях, от славы о них. События „устраились“ в молве о них и через эту

¹ Подробнее см.: Зимин А. А. Ипатьевская летопись и «Слово о полку Игореве» // История СССР. 1968. № 6. С. 43—46.

² Грушевський М. Історія української літератури. Київ, 1993. Т. 2. С. 202—203.

³ Груньський М. Форма та композиція «Слова о полку Ігоревім». Київ, 1928. С. 21.

⁴ Лихачев Д. С. 1) Изучение «Слова о полку Игореве» и вопрос о его подлинности // «Слово о полку Игореве» — памятник XII века. М.; Л. 1962. С. 66—69; 2) Когда было написано «Слово о полку Игореве» // ВЛ. 1964. № 8. С. 142—144.

молву отразились и тут, и там. В этой молве отразились, возможно, и какие-то обрывки фольклора — половецкого или русского».⁵

Однако позже в работе «„Текстологический треугольник“: „Слово о полку Игореве“, Рассказ Ипатьевской летописи о походе князя Игоря в 1185 г. и „Задонщина“ (К текстологическим замечаниям проф. Дж. Феннелла)» ученый все же очень осторожно допустил возможность влияния «Слова» на рассказ Ипатьевской летописи: «Отмечу только, что, по-видимому, рассказ о походе Игоря 1185 г., позднее включенный в состав Ипатьевской летописи, только испытал влияние „Слова“ либо какой-то песни или рассказа о походе Игоря, который послужил основой для „Слова“».⁶ Здесь же Д. С. Лихачев подчеркивает, что текстологический анализ не должен ограничиваться анализом текста как такового. В текстологическом анализе важны не только совпадения или различия слов, но и сопоставление содержания, общих сюжетных положений, мотивов, образов и т. д. Текстологический анализ имеет дело не только с чисто текстовыми явлениями, но также и с ситуационными соответствиями. При этом связь текстовых соответствий с ситуационными особенно показательна и доказательна.⁷

Между тем лишь некоторые исследователи обращали внимание на соотношение отдельных частей обоих произведений. Так, П. Е. Ваденюк находил «не только содержание, склад и расположение частей рассказа Ипатьевской летописи, но и отдельные выражения совершенно тождественными с подобными в „Слове о полку Игореве“».⁸ Разложив рассказ Ипатьевской летописи на 16 частей и сравнив каждую из них с соответствующим фрагментом «Слова», И. П. Хрущев пришел к выводу, что оба произведения сходны только в некоторых фактах.⁹ А. С. Орлов, сравнивая рассказы Ипатьевской и Лаврентьевской летописей, отмечает, что рассказ Ипатьевской летописи больше соответствует плану «Слова о полку Игореве».¹⁰ А. А. И. Лященко обратил внимание на то, что «Слово» и рассказ Ипатьевской летописи роднит не только подбор фактов, но и порядок описания похода.¹¹

Особенно интересны в этом плане наблюдения А. А. Зимина. В результате ученый пришел к выводу, что в основе «Слова о полку Игореве» лежат известные ныне летописные факты. «Мы попытались сравнить фактический материал и идейную направленность „Слова о полку Игореве“ с конкретно-исторической действительностью Древней Руси, как она рисуется русскими летописцами, — пишет он. — В ходе сопоставления установлено, что вся фактическая основа рассказа „Слова“ о походе 1185 г. и сведения по истории Руси X—XII вв. восходят к Ипатьевской летописи».¹²

Ученый утверждает, что сам характер параллелей «Слова» и летописи (некоторые факты, термины и конструкция рассказа) не дает основания говорить о влиянии поэтического произведения на летописный рассказ, ибо все эти элементы не составляют специфики «Слова» как художественного произведения. И хо-

⁵ Лихачев Д. С. Исторический и политический кругозор автора «Слова о полку Игореве» // Слово о полку Игореве: Сб. исслед. и статей / Под ред. В. П. Адриановой-Перетц. М.; Л., 1950. С. 37—38.

⁶ Лихачев Д. С. «Слово о полку Игореве» и культура его времени. Л., 1978. С. 297.

⁷ Там же. С. 298.

⁸ Ваденюк П. Е. Где нужно искать ту реку, на берегах которой 5-го мая 1185 г. был разбит Игорь Святославич Новгород-Северский и которая названа Каялой // Труды Третьего археол. съезда в России, бывшего в Киеве в авг. 1874 года. Киев, 1878. Т. 2. С. 58.

⁹ Хрущев И. П. О древнерусских исторических повестях и сказаниях. XI—XII столетие. Киев, 1878. С. 197—204.

¹⁰ Орлов А. С. Лекции по истории древнерусской литературы. М., 1916. С. 85.

¹¹ Лященко А. И. Этюды о «Слове о полку Игореве» // ИОРЯС АН СССР. 1926. Т. 31. С. 153—158.

¹² Зимин А. А. Ипатьевская летопись и «Слово о полку Игореве». С. 63—64.

тя утверждения А. А. Зимина не подкрепляются текстологическим анализом, важен его вывод о том, что рассказ о походе Игоря 1185 г. состоит из фрагментов, взятых из трех источников: черниговского, киевского и переяславского.¹³ Основным аргументом при этом является то, что А. А. Шахматов и М. Д. Приселков установили наличие трех источников для записей Ипатьевской летописи 70—80-х гг. XII в. Самостоятельного исследования А. А. Зимин не проводит и выявляет указанные фрагменты исключительно по их содержанию. Так, по его мнению, начало рассказа о походе русских князей на половцев в 1185 г. восходит к летописи самого Игоря, т. е. черниговской. После пленения князя, когда действие перемещается в Киев, главным действующим лицом становится Святослав («В то же время великий князь Всеволодич Святослав шел бжшеть в Корачев»). Киевский источник сообщает о мероприятиях по обороне Руси от половцев, о выступлении против них. Кончается этот фрагмент словами: «совокупив вои стояшеть». Далее отмечаются обстоятельства, связанные с набегом половцев на Переяславль и Римов («Поганыи же половци победивше Игоря <...> и возвратившася во свои»). А. А. Зимин предполагает, что данный фрагмент взят из Переяславской летописи. Пребывание Игоря в плену и побег снова возвращают к черниговскому источнику. Объединяет переяславский и черниговский отрывки фраза: «Игорь же Святославлич тот год бжшеть в Половцех».

Исследователь приходит к выводу, что структура летописного рассказа 1185 г. органична для Ипатьевской летописи. А так как слияние ее источников произошло лишь в конце XII в., то и рассказ о походе князя Игоря не мог появиться раньше.¹⁴

В разборе статьи А. А. Зимина, принадлежащем А. Г. Кузьмину, убедительно показано, что состав Киевской летописи сложнее, чем представляется исследователю. А. А. Шахматов и М. Д. Приселков дали общую оценку памятника. Этого недостаточно для выводов, сделанных А. А. Зиминим, однако сомнительным представляется неожиданный вывод самого А. Г. Кузьмина, будто рассказ о походе князя Игоря принадлежит одному лицу: «Как можно видеть, — пишет он, — статья 1185 г. Ипатьевской летописи носит следы позднейшего редактирования. Но эти следы очень незначительны. Можно говорить лишь о небольшой вставке из переяславского летописца и некотором возвышении Рюрика Ростиславича. Весь основной рассказ, вся его канва с переходом от Святослава к Игорю, с описанием нападения половцев на Переяславль и Посемье, с сообщением о бегстве Игоря и его прибытии к Святославу в Киев составляет более или менее современную запись, сделанную одним автором».¹⁵ Справедливо критикуя статью А. А. Зимина за отсутствие самостоятельного анализа, А. Г. Кузьмин не оценил и плодотворной мысли автора о различных источниках летописного рассказа 1185 г. Важно, однако, что он привлек внимание к редакторским добавлениям в тексте рассказа.

Сам факт нашел объяснение лишь в работах Б. А. Рыбакова. Рассматривая рассказ о походе Игоря на фоне летописания XII в., ученый сопоставляет его фрагменты с материалами киевских летописцев. Он убедительно показывает, что для его создания были использованы современные самим событиям записи двух летописцев-современников похода. Записи летописцев Рюрика Ростиславича и Святослава Всеволодича, считает Рыбаков, были объединены около 1188 г., когда создавался летописный свод 1190 г. К этой работе, возможно, привлекался выходец из Галиции, внесший в текст рассказа особенности, не свойст-

¹³ Там же. С. 49.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Кузьмин А. Г. Ипатьевская летопись и «Слово о полку Игореве»: (По поводу статьи А. А. Зимина) // История СССР. 1968. № 6. С. 77.

венные киевским книжникам.¹⁶ Утверждение Б. А. Рыбакова привлекательно, но нуждается в тщательной лингвистической проверке. Важно при этом выявить языковые особенности не только каждого из летописцев, но и составителя рассказа. В этом плане показательно употребление в различных фрагментах рассказа существительного *русь*. В его начале оно означает русских воинов. В таком значении это слово встречается лишь у одного автора Ипатьевской летописи второй половины XII в. Его материалы, которые Б. А. Рыбаков на основании других данных, главным образом исторического порядка, связывает с деятельностью боярина Петра Бориславича, прослеживаются здесь на протяжении ряда лет. Под 1149, 1151, 1180, 1183, 1184, 1195 гг. слово *русь* зафиксировано в указанном смысле.

Другие авторы этого же времени употребляют существительное *Русь* лишь для называния страны как синоним словосочетания *Русская земля*. Именно в этом значении встречается существительное *Русь* в черниговских материалах, вошедших в состав Ипатьевской летописи. Так, летописец Святослава Ольговича, отца князя Игоря, описывая его бегство из Новгорода Великого, отмечает, что оттуда Святослав приехал в *Русь* к брату Всеволоду, княжившему тогда в Киеве. Из этих же материалов узнаем, что в *Русь* из Владимиро-Суздальского края направляется Юрий Долгорукий. Несколько позже летописец Святослава Всеволодича, великого и грозного героя «Слова о полку Игореве», сохранил эту особенность: «и пусти [Святослав Всеволодич] брата своего Всеволода, и Ольга сына своего, и Ярополка, в *Русь*» (С. 419);¹⁷ «придоша измалтяне безбожнѣи половци на *Русь* воевать ко Дмитрову, с оканъным Концаком» (С. 424); «Пошел бяше оканъный и безбожный и треклятый Кончак, со множеством половець, на *Русь*, похупся яко плѣнити хотя грады рускыѣ и пожещи огньмь» (С. 428).

В значении «Русская земля» употребляется слово *Русь* в эпизодах рассказа, описывающих действия Святослава Всеволодича и бегство Игоря.

Имеются и другие лингвистические доказательства объединения в летописном рассказе материалов нескольких лиц. Так, в разных его местах употребляются разные существительные, обозначающие время. В начале рассказа, например, в таком значении засвидетельствован славянизм *время*: «В то же время Святославичъ Игорь, внук Олгов, поѣха из Новагорода, мѣсяца априля в 23 день, во вторник, поймя со собою брата Всеволода ис Трубецка, и Святослава Олговича сыновця своего из Рыльска, и Володимѣра сына своего ис Путивля» (С. 430—431).

Детальное описание черниговских князей с указанием принадлежащих им владений как будто свидетельствует о почерке летописца, который вел записи сюзерена всех Ольговичей — Святослава Киевского. Это вероятно и потому, что поворот к теме великого князя начинается той же формулой: «В то же время великий князь Всеволодичъ Святослав шел бяшетъ в Корачев» (С. 434). Рассмотрение фрагментов Киевской летописи, героем которых был Святослав Всеволодич, это подтверждает. Так, в другой записи говорится: «В то же время съдящю Святославу Всеволодичю в Черниговѣ, а Романови съдящю в Киевѣ, и начаша половецьи пакость творити по Ръси» (С. 387). Обратим внимание на то, что черниговский князь, каким в 1174 г. был Святослав Всеволодич, упоминается здесь раньше киевского князя Романа Ростиславича. Это свидетельствует

¹⁶ Рыбаков в Б. А. 1) Киевская летописная повесть о походе Игоря в 1185 г. // ТОДРЛ. М.; Л., 1969. Т. 24. С. 60; 2) «Слово о полку Игореве» и его современники. М., 1971. С. 174; 3) Русские летописцы и автор «Слова о полку Игореве». М., 1972. С. 132.

¹⁷ Примеры из Ипатьевской летописи здесь и далее с указанием страниц в скобках приводятся по изд.: Летопись по Ипатскому списку. СПб., 1871.

о черниговских симпатиях автора записи. Кстати, этот автор вообще отличается склонностью к книжным формам.

В тексте, который, по мнению Б. А. Рыбакова, принадлежит Петру Бориславичу, форма существительного, обозначающего *время*, полногласная. Показательны в этом отношении описание приезда к Игорю разведчиков и начала первой битвы: «ту же к нимь и сторожеви приѣхаша, их же бяхуть послать языка ловит, и рекоша приѣхавше: „Видихомся с ратными ратници ваши со здоспѣхом ѣздять; да или поѣдете борзо, или возворотися домовъ, яко не наше есть веремя...“. Заутра же пятъку наставшу, во обѣднее веремя усрѣтоша полкы половѣцькиѣ» (С. 431).

Наряду с формами *время* и *веремя* в таком же значении в рассказе засвидетельствовано существительное *год*: «Идущим же им к Донцю рѣкы, в год вечерний, Игорь жь възрѣв на небо и видѣ солнце» (С. 431); «и во т год приѣбже Бѣловолод Просовичъ» (С. 435); «Игорь же Святославличъ тот год бяшетъ в Половцех» (С. 437). В XII в. значение «время (неопределенное)» для слова *год* уже было архаическим.¹⁸ В Ипатьевской летописи этого периода существительное *год* в таком значении не употребляется и встречается лишь в рассказе о походе князя Игоря. Несколько примеров его употребления находим в «Повести временных лет»: «Егда же бываетъ *год* молитви, мало их [монахов] обрѣтается в церкви» (С. 114).¹⁹ К ней же ведет и употребленное в Ипатьевской летописи лишь в рассказе о походе Игоря слово *побѣда* в значении «поражение». Оно встречается здесь дважды в речах князя Игоря: «Се Бог силою своею возложил на врагы наша побѣду, а на нас честь и слава» (С. 432); «Аз по достоянью моему восприях побѣду от повеления твоего, Владыко Господи, а не поганьская дерзость обломилу силу раб твоих» (С. 437).

Наблюдения показывают, что слова и выражения, которых не употребляли киевские летописцы XII в., встречаются в рассказе лишь в добавлениях к летописному тексту, не имеющих прямого отношения к ходу событий. Однако это не свидетельствует в пользу предположения Б. А. Рыбакова, что данную работу исполнил выходец из Галиции. Скорее можно говорить о лице, начитанном в древних текстах. Вероятно, составитель рассказа был хорошо знаком с «Повестью временных лет», откуда он заимствовал материалы для объединения фрагментов двух летописей.

На следы ПВЛ в тексте рассказа о походе князя Игоря в изложении В. Н. Татищева уже давно обратила внимание Л. И. Сазонова. Сравнив текст летописного рассказа о походе Игоря Святославича на половцев в 1185 г. с «Историей Российской», она пришла к выводу, что в основу своего текста Татищев брал не только непосредственные факты этого похода. «Возможно, некоторые новые сцены, — пишет исследовательница, — он создает на базе древних текстов. В этом плане привлекают внимание несколько мест в рассказе „Истории“. Например, фраза „Не доехав мене полднища, спотчесь и паде Игорь, мало ногу на толче“ вызывает ассоциации с аналогичным эпизодом, описанным в летописях и в „Сказании о Борисе и Глебе“». ²⁰ Характеризуя методы работы В. Н. Татищева, многие исследователи, как и Л. И. Сазонова, допускают, что он сам является автором тех известий, которые не имеют соответствий в известных средневековых источниках. Е. М. Добрушкин, например, объясняет это тем, что, создавая историческое произведение, а не летописный свод, ученый стремился объяснить

¹⁸ См.: Срезневский. Материалы. М., 1958. Т. 1. Стб. 537; Словарь русского языка XI—XVII вв. М., 1977. Вып. 4. С. 54—55.

¹⁹ Примеры из «Повести временных лет» цит. по изд.: Повесть временных лет. Ч. 1. Текст и перевод. М.; Л., 1950 с указанием страниц в тексте.

²⁰ Сазонова Л. И. Летописный рассказ о походе Игоря Святославича на половцев в 1185 г. в обработке В. Н. Татищева // ТОДРЛ. М.; Л., 1970. Т. 25. С. 41.

и связать события, лишь упомянутые его предшественниками.²¹ При этом допускается, что он мог комбинировать данные различных источников.

Таким образом, методы работы Татищева над текстом рассказа о походе Игоря современные исследователи определяют еще до решения вопроса о его создании в XII в. Между тем убедительные соображения по этому поводу высказывались еще в XIX в. Так, И. П. Хрущев указал на зависимость формы рассказа о походе Игоря Ипатьевской летописи от формы сказаний о выступлениях в степь Владимира Мономаха, известных по «Повести временных лет».²² «Поход Игоря с его несчастными последствиями был дважды описан современными писателями, — отмечает исследователь. — Южный летописный свод сохранил живое, подробное и очень искусное сказание, писанное по горячим следам события, по всей вероятности, в Киеве, — лицом, преданным роду Мономаха. Сказание это написано в духе прежних сказаний о борьбе с неверными. Знамение, бывшее на солнце в то время, как ополчение подходило к Донцу, дает повод выходящую из ряда войну ставить в зависимость от Божьего указания. Выражение о половцах (начаша выступати полци половецкии, ак борове), встречающееся и в сказаниях о походах Мономаха, указывает также на литературное средство (по-видимому, ошибка; следует *сродство* или *сходство*. — В. Ф.) сказания о походе Игоря с другими сказаниями о борьбе с неверными».²³ Однако в дальнейшем важное наблюдение И. П. Хрущева не было использовано.

Тем не менее Л. А. Дмитриев, сопоставив описание начала второй битвы Игоря с половцами в первом варианте «Истории Российской» с соответствующим местом Ипатьевской летописи, отметил значительные отличия в тексте Татищева, которые, однако, не совпадают и с Лаврентьевской летописью. В частности, исследователь обнаружил такую параллель к «Слову о полку Игореве», как глагол *оступити*, которого в соответствующем месте летописного рассказа нет. По его предположению, данный глагол не выдуман самим Татищевым, так как во второй редакции «Истории» ему отвечает сочетание-перевод «объехали кругом», и восходит к какому-то источнику. «В соответствующем месте в „Слове о полку Игореве“, — пишет Л. А. Дмитриев, — мы читаем это же слово, ошибочно переданное первыми издателями: „и от всѣх стран рускыя плѣкы отступиша“ (общепринятая конъектура «оступиша»».²⁴

Продолжая наблюдения Л. А. Дмитриева, мы обратились к рукописи Ермолаевского списка Ипатьевской летописи, так как известно, что Ипатьевским ее списком В. Н. Татищев не пользовался. В указанном фрагменте обнаружился пропуск. Пропуск этот, по-видимому, механический: он находится между двумя одинаковыми фразами «И рече Игорь».²⁵ Ниже приведем пропущенный в Ермолаевском тексте по Ипатьевскому списку Ипатьевской летописи и сравним его с текстом первого варианта «Истории Российской»²⁶ В. Н. Татищева.

Рассказ

И поможе ему Всеволод,
акоже облечи ту.

История

И поможе ему Всеволод.

²¹ Добрушкнн Е. М. О нескольких сообщениях «Истории Российской» В. Н. Татищева под 1185 г. // Источниковедение историографии: Материалы науч. студ. конф. / МГИАИ. М., 1970. Вып. 2. С. 10—12.

²² Хрущев И. П. О древнерусских исторических повестях... С. 202—203.

²³ Там же. С. 197.

²⁴ Дмитриев Л. А. Важнейшие проблемы исследования «Слова о полку Игореве» // ТОДРЛ. М.; Л., 1964. Т. 20. С. 137.

²⁵ Ермолаевский список Ипатьевской летописи хранится в Отделе рукописей РНБ, Ф. IV. № 231, л. 194.

²⁶ Цит. по изд.: Татищев В. Н. История Российская. М.; Л. 1964. Т. 4 (далее — История с указанием страниц в скобках).

И рече Игорь:

«Да недивно есть разумѣюши,
братья, умрети».
И облегоша ту.

Свѣтаюши же суботѣ,
начаша выступати
полци половецкии,
ак боровѣ;
изумѣшася князи рускии,
кому их которому поѣхати,
бысть бо их бесчисленное множество.

И рече Игорь... (С. 432).

И отдыхав,
пойдоша к Донцеви
помалу все вкупе.
Наутрие же
придоша на ня
половцы
в силе тяжце
и *оступиша* я.

Тогда начаша мнози
ропгати ня князя.
Игорь же рече... (С. 303).

Привлекает внимание, что текст Ипатьевской летописи отражает знакомство его автора с рассказами о походах Владимира Мономаха. Если в речи Игоря «Да недивно есть разумѣюши, братья, умрети» есть только отдаленное сходство с началом речи Мономаха в сказании 1103 г. («Дивно ми, дружино...»). С. 183), то дальнейший текст, на наш взгляд, свидетельствует о прямом заимствовании из ПВЛ.

ПВЛ

И поидоша
полкове
аки борове,
и не бѣ презрѣти их (С. 184).

Рассказ

...начаша выступати
полци половецкии,
ак боровѣ;
изумѣшася князи рускии,
кому их которому поѣхати,
бысть бо их бесчисленное
множество (С. 432).

В этом же отрывке отразился и соответствующий текст сказания 1111 г., в котором как раз употреблен глагол *оступити*.

ПВЛ

Наставшю же понедѣлнику
страстныя недѣли, паки ино-
племенници собраша полки своя
многое множество,
и выступиша

яко борове велиции
и тмами тмы.

И *оступиша* полкы рускыи (С. 191).

Рассказ

Свѣтаюши же суботѣ,

начаша выступати
полци половецкии,
ак боровѣ (С. 432).

У Татищева, как и в Ермолаевском списке, пропущена первая фраза «И рече Игорь» и вся прямая речь Игоря. Следующая строка соответствует по смыслу строке Ипатьевского списка: «И отдыхав» — «И облегоша ту». Как продолжение слов «И отдыхав» у Татищева находим фрагмент «пойдоша к Донцеви помалу все вкупе», не засвидетельствованный летописями. Фраза, следующая за ним, отличаясь по форме, по смыслу отвечает летописной.

Рассказ

Свѣтаюши же суботѣ,
начаша выступати
полци половецкии,
ак боровѣ (С. 432).

История

Наутрие же
придоша на ня
половцы
в силе тяжце
и *оступиша* я (С. 303).

Далее тексты Ипатьевской летописи и «Истории Российской» расходятся до слов «И рече Игоря».

Фрагмент, пропущенный в Ермолаевском списке, свидетельствует, что в распоряжении Татищева находился не этот, а другой источник, близкий к Ипатьевской летописи, который тем не менее отличается от нее рядом деталей.²⁷ Фактический материал подтверждает, что составитель летописного рассказа не только был знаком с ПВЛ, но и использовал ее текст в своей работе. Именно текст ПВЛ отразился в том фрагменте «Истории Российской», который отсутствует в известных ныне летописях. Этот материал, не вносящий ничего существенного в описание событий похода князя Игоря, впоследствии и был сокращен. Сокращенный текст представлен во всех известных списках Ипатьевской летописи. По-видимому, лишь «История Российская» сохранила рассказ о походе Игоря на половцев в объеме, близком к первоначальному. Можно думать, что составитель рассказа обращался к тексту ПВЛ не только при описании батальных сцен, но и чтобы объединить различные фрагменты, а также создать речи действующих лиц. Так, в рассказе Ипатьевской летописи в речи о «черных людях» руководители похода говорят: «пойдем; но или умрем, или живи будем на единомъ мѣстѣ» (С. 432—433). Ср. в ПВЛ под 1103 г.: «Поидита на половци, да любо будем живи любо мертви» (С. 183). Даже в тех его фрагментах, где многие исследователи видели связь со «Словом о полку Игореве», нельзя, как нам представляется, игнорировать влияние «Повести временных лет». Сравним, например, речь Святослава Всеволодича в летописном рассказе и «Слове о полку Игореве» с речью Ярослава Мудрого под 1015 г.

Слово ²⁸	Рассказ	ПВЛ
Тогда великий Святъслав изрони злато слово слезами	Святослав же то слышав и вельми воздохнув утер слез своих и рече:	Ярослав рече:
смѣшено, и рече: «О моя сыновчя, Игорю и Всеволоде!...» (С. 20).	«О любя моя братья и сыновь...» (С. 435).	«О, любя моя дружина...». Утерл слез и рече им (С. 95).

Иначе объясняет близость данных выражений Д. С. Лихачев.²⁹ Влияния ПВЛ на летописный рассказ о походе Игоря он не рассматривает вообще, хотя в статье «„Пирогощая“ „Слова о полку Игореве“» в другой связи и упоминает о некотором сходстве формы обещаний князя Мстислава и князя Игоря. «„Повесть временных лет“ говорит под 1022 г. об обещании князя Мстислава, данным им во время его единоборства с Редедей, — пишет Д. С. Лихачев, — „И яста ся бороти крепко, и надолзе борющемася има, и нача изнемагати Мьстислав: бе бо велик и силен Редедя. И рече Мьстислав: «О пречистая Богородице, помози ми. Аще бо одолею сему, съзижю церковь во имя твое. И се рек удари имь о землю»“ (цитирую по Лаврентьевской летописи. Обращаю внимание, что обещание Мстислава, как и незавершенное обещание Игоря, также начинается со слова «аще»)».³⁰ Выше речь шла о обращении Игоря к Богу накануне его бегства из плена, которое в рассказе не имеет конца: «„аще спасеши мя, Владыко, ты недостойного...“ и возма на ся крест, икону, и подойма стену и лезе вон».³¹

²⁷ Ср.: Сафонова Л. И. Писатели-историки XVIII века о походе Игоря // «Слово о полку Игореве»: Памятники литературы и искусства XI—XVII веков. М., 1978. С. 96.

²⁸ Пример из «Слова о полку Игореве» цит. по изд.: Словарь-справочник «Слова о полку Игореве». М.; Л., 1965. Вып. 1 с указанием страниц в тексте.

²⁹ Лихачев Д. С. «Слово о полку Игореве» и культура его времени. С. 306.

³⁰ Там же. С. 214.

³¹ Там же.

В этом плане интерес представляет другой эпизод рассказа Ипатьевской летописи, получивший в научной литературе особое название: «Покаянная речь (молитва) князя Игоря». Этот и некоторые другие фрагменты позволили М. Д. Приселкову говорить о близком личном знакомстве составителя рассказа с князем Игорем. «Кто может усомниться в этом, — пишет он, — читая теперь рассказ о походе 1185 г. в изложении нашего составителя, сохранившийся нам Ипатьевской летописью, где автор смело вкладывает в уста князя Игоря покаянный счет княжеских его преступлений и где, при описании бегства Игоря, даются такие житейские и психологические детали, которые могли быть известны только самому князю».³² Предположение историка было поддержано Д. С. Лихачевым: «В описании похода Игоря Святославича 1185 г. летописец вкладывает в уста Игоря длинную покаянную речь, поражающую пространством перечислением княжеских преступлений и необычайной смелостью...»³³ — пишет ученый. И, развивая тему покаяния героя, Д. С. Лихачев приходит к выводу, что и летописец, и автор «Слова о полку Игореве» в одинаковой мере могли пользоваться рассказами своего князя и отразить в своем изложении и личные переживания Игоря, и детали его пребывания в плену.³⁴

Иначе подходит к этому вопросу И. П. Еремин, который в статье «Киевская летопись как памятник литературы» отметил, что монолог Игоря по своей структуре напоминает «плачи» и «молитвы» персонажей княжеских некрологов. И построен этот монолог по всем правилам агиографической риторики: одна риторическая фигура сменяет другую, ритмично чередуются предложения одной и той же синтаксической конструкции.³⁵

Вставной характер молитвы отметил и Б. А. Рыбаков, который приписал ее авторство составителю рассказа (Галичанину).³⁶ Здесь же ученый приводит ряд аргументов, доказывая, что редактор Киевского летописного свода игумен Моисей не мог участвовать в составлении рассказа о походе Игоря.

Между тем прекрасная поэтическая форма молитвы дает основание предполагать, что ее мог создать лишь выдающийся мастер риторического искусства древнерусского периода. Построено произведение на антитезе прошлого и настоящего: в прошлом — грех Игоря (разгром Глебова); в настоящем — следствие этого греха (поражение войска Игоря). В первой части молитвы ярко изображается, как воины издеваются над жителями небольшого городка на территории Переяславского княжества. Однако обращает внимание, что сцены злодеяний подаются в слишком общем плане. Ни одного конкретного факта, который был свидетельствовал, что события происходили именно в Глебова (кроме его названия), автор не приводит. Последовательность событий, которые как будто происходили, можно представить лишь приблизительно, поскольку не зафиксирована ни одна деталь, а есть лишь перечисление эпизодов, возможных в сходной ситуации. Строго выдержано только противопоставление времен. Значение прошлого времени усиливается повторением наречия *тогда*: «тогда бо не мало зло подъяша безвиннии хрестъяни» (С. 433),³⁷ «и все смятено плѣном и скорбью тогда бывшую». Впечатление усиливают простые формы глагола в прошедшем времени (аорист, имперфект): *створих, не пощадѣх, взях на щит, подъяша, радовахуся*.

³² Приселков М. Д. История русского летописания XI—XV вв. СПб., 1996. С. 90.

³³ Лихачев Д. С. Русские летописи и их культурно-историческое значение. М.; Л., 1947. С. 193.

³⁴ Там же. С. 194.

³⁵ Еремин И. П. Литература Древней Руси (этюды и характеристики). М.; Л., 1966. С. 128.

³⁶ Рыбаков Б. А. «Слово о полку Игореве» и его современники. С. 184.

³⁷ Текст молитвы см. на с. 433—434 «Летописи по Ипатскому списку».

Далее тема разворачивается на основе контрастного противопоставления современного положения Игоря недавнему прошлому. О времени произнесения молитвы свидетельствует четырежды повторенное наречие *нынѣ*: «и се нынѣ вижю отмѣстье от Господа Бога моего», «гдѣ нынѣ возлюбленный мой брат», «гдѣ нынѣ брата моего сын», «се нынѣ вижю другая...». Один раз подчеркивает это значение наречие *днесь* в сочетании с формой аориста глагола: «и снидоша днесь грѣси мои на главу мою». Соответственно в форме настоящего времени употреблены глаголы: «вижю отмѣстье», «не имам со живыми части», «вижю другая...». И здесь также много риторики. Риторические вопросы лишь в общих чертах передают мысли Игоря, однако именно здесь и проявилось поэтическое дарование автора, сумевшего, не вдаваясь в детали, передать душевное состояние героя. Л. Е. Махновец указал псалмы, использованные создателем молитвы во второй ее части.³⁸

Обращает внимание ритмическое строение ее текста, чего нет в других местах рассказа. В его основе — чередование близких по значению и однотипных по синтаксической структуре предложений. Интересны чередования с анафоричным повтором первого слова. Повтор такого типа был особенно распространен в торжественном красноречии Киевской Руси.³⁹ В молитве встречаются анафорические повторы союзов *яко* и *и*: «яко много убийство, кровопролитье створих в землѣ крестьянствѣи, яко же бо аз не пошадѣх хрестьян, но взях на щит город Глѣбов у Переяславля»; «отлучаеми отець от рожений своих, брат от брата, друг от друга своего, и жены от подружий своих, и дщери от материй своих, и подруга от подругы своя». В последнем примере выделяются однотипные повторы, где при одном сказуемом чередуются лишь подлежащие.

Особенной эмоциональностью проникнуты строки, начинающиеся наречием *гдѣ*, которые создают ряд риторических вопросов: «Гдѣ нынѣ возлюбленный мой брат?», «Гдѣ нынѣ брата моего сын?», «Гдѣ чадо рожения моего?», «гдѣ бояре думающий?».⁴⁰

«Речь Игоря, — пишет И. П. Еремин, — тем отчетливее выделяется на фоне рассказа, что после нее рассказ продолжается в том же суховато-деловом тоне, как и раньше — до этой речи: „...розведени быша, и поиде каждо во своя вежа. Игоря же бяхуть яли Тарголове, мужь именемъ Чилбук, а Всеволода, брата его, ял Роман Кзичь, а Святослава Олговича — Елдечюк в Вобурчевичех“» (С. 434).⁴¹ Б. А. Рыбаков обращает внимание на введение вставки. По его мнению, она начинается обрисовки места и обстоятельств произведения молитвы.⁴² Приводим этот фрагмент по принятому в статье источнику: «Держим же Игорь, видѣ брата своего Всеволода крѣпко борющася, и проси души своей смерти, яко да бы не видел падения брата своего; Всеволод же толма бившеся, яко и оружья в руку его не доста, и бяху ся идуше вкруг при езерѣ. И тако, во день святаго Воскресения, наведе на ня Господь гнѣв свой: в радости мѣсто наведе на ны плачь, и во веселье мѣсто желю, на рѣцѣ Каялы. Рече бо, дѣи, Игорь: „Помянух аз грѣхы своя пред Господом, Богом моим...“» (С. 433).

Б. А. Рыбаков полагает, что автором молитвы Игоря, как и других вставок в рассказе в походе Игоря, является Галичанин.⁴³ До этого ученый рассмотрел возможность внесения в его текст вставок редактора Киевского летописного

³⁸ Літопис Руський / За Іпатським списком переклав Леонід Махновець. Київ, 1889. С. 212—213.

³⁹ Суш и цѣ кий Т. До питання про літературну школу XII в. // Зап. Укр. наук. т-ва в Кисві. Київ, 1909. Кн. 4. С. 12—13.

⁴⁰ Подробнее см.: Франчук В. Молитва князя Игоря — взірець красномовства // Слово і час. 2001. № 7. С. 50—55.

⁴¹ Еремин И. П. Литература Древней Руси... С. 128.

⁴² Рыбаков Б. А. «Слово о полку Игореве» и его современники. С. 188.

⁴³ Там же.

свода игумена Моисея. Отрицательный ответ основывается на таком наблюдении: в двух речах Игоря слово *побѣда* употреблено в значении «поражение». А Моисей, как правильно указывает Б. А. Рыбаков, употребляет это слово в обычном смысле.⁴⁴ В этом в общем верном наблюдении, однако, не учтено, что ни в молитве, ни в окружающем ее тексте слова *побѣда* нет.

Обратим внимание на то, что при введении в рассказ молитвы Игоря ее автор использовал литературный прием внутренней речи, чуждый историческому повествованию, а именно: «Держим же Игорь, видѣ брата своего Всеволода крѣпко борющата, и *проси души своей смерти*, яко да бы не видел падения брата своего» (С. 433). Понять эту фразу можно, лишь допустив, что в нее вкралась ошибка и следует читать «проси в души». По нашим наблюдениям, в киевском летописании внутренняя речь используется лишь в некрологах, созданных Моисеем.⁴⁵ На этот прием впервые обратил внимание М. И. Сухомлинов, который писал: «Как и внутреннее обсуживание какого-либо предмета, безмолвная беседа с самим собою передается летописцем в виде действительной беседы: слова размышляющего как бы обращаются к слушателю, и в начале их употребляется замечательное „рек в себѣ“ или однозначашее с ним „помысли в себѣ“».⁴⁶ Как форма прямой речи этот прием был известен уже византийской агиографии. В статье «Сказание о Борисе и Глебе» И. П. Еремин утверждает, что впервые на древнерусскую почву прием внутренней речи перенес его автор.⁴⁷

Любопытны также наблюдения И. П. Еремина над теми эпизодами летописи, когда «летописец нередко тут же, в рамках погодного известия, отмечал и ходячую точку зрения на него».⁴⁸ Приводятся примеры. Под 1162 г.: «Том же лете преставися князь Иван Ростиславичъ, рекомый Берладник, в Селуни, инии тако молвахуть, яко с отравы бе ему смерть» (С. 355). Под 1195 г.: «И рекоша игумени блаженни: „Се Бог проявил есть, показая нам силу свою за грехи наша, да быхомся остави от злаго пути своего“; инии же молвахуть друг ко другу: „Сии знаменни не на добро бывають...“» (С. 463). «Приведенные известия, — пишет И. П. Еремин, — указывают и основной источник такого рода примечаний летописца: источником этим была устная молва». По нашему мнению, интерес к знамениям и манера их толковать, ссылаясь на чужие высказывания, сближают последний пример, приведенный И. П. Ереминым, с легендами, которые Моисей ввел в текст Речи о построении стены Выдубицкого монастыря: «Овыи бо глаголаху, яко златом власом поверзена есть церкви от небес, и тѣм же утвержена, а ови, яко поступаеть церкви в монастырь, инако же мнози» (С. 479).⁴⁹

Вызывает интерес, что автор молитвы Игоря употребил при ее введении модальную частицу *деи*, которую в этом тексте можно перевести как «говорят», «рассказывают»: «Рече бо, дѣи, Игорь...» (С. 433). В своем переводе Л. Е. Махновец слово *дѣи* передает как наречие времени («Сказав же тоді Ігор»⁵⁰), в результате чего утрачивается смысл авторского текста. Не выделяется слово *дѣи* знаками препинания и в цитируемом нами издании Ипатьевской летописи.

Е. С. Отин обращает внимание на то, что в конструкциях с прямой речью, не имеющих модального слова или частицы в чужом высказывании, автор лишь

⁴⁴ Там же. С. 184.

⁴⁵ Франчук В. Ю. Киевская летопись: Состав и источники в лингвистическом освещении. Киев, 1986. С. 49—52.

⁴⁶ Сухомлинов М. И. О древней русской летописи как памятнике литературном. СПб., 1908. С. 200—201.

⁴⁷ Еремин И. П. Литература Древней Руси... С. 23.

⁴⁸ Там же. С. 100.

⁴⁹ См.: Франчук В. Ю. Киевская летопись... С. 69.

⁵⁰ Літопис Руський... С. 339.

констатирует факт и содержание имевшей место в действительности чужой речи. «В конструкциях с вводным словом или частицей, — отмечает известный исследователь древнерусской модальности, — он уже квалифицирует ее в процессе самой передачи, подчеркивая ее чужеродность, иногда даже отстраняясь от нее, сомневаясь в ее достоверности и т. д. Сообщение чужого высказывания и квалификация его говорящим здесь слиты».⁵¹

Таким образом, мы считаем возможным вопреки устоявшимся мнениям приписать авторство молитвы князя Игоря игумену Выдубицкого монастыря Моисею. В формировании текста рассказа о походе князя Игоря Ипатьевской летописи, на наш взгляд, принимали участие четыре лица: два летописца, составитель рассказа, объединивший фрагменты летописей Рюрика Ростиславича и Святослава Всеволодича, и редактор Киевского летописного свода Моисей Выдубицкий.⁵²

⁵¹ О т и н Е. С. Модальные частицы чужой речи в древнерусском языке // Проблемы развития языка: Межвуз. науч. сб. Саратов, 1977. Вып. 1. С. 113—114.

⁵² Обширная литература о Моисее как выдающемся представителе художественного слова древнерусского периода собрана в статье: Б е г у н о в Ю. К. Речь Моисея Выдубицкого как памятник торжественного красноречия XII в. // ТОДРЛ. Л., 1974. Т. 28. С. 60—76.